

Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

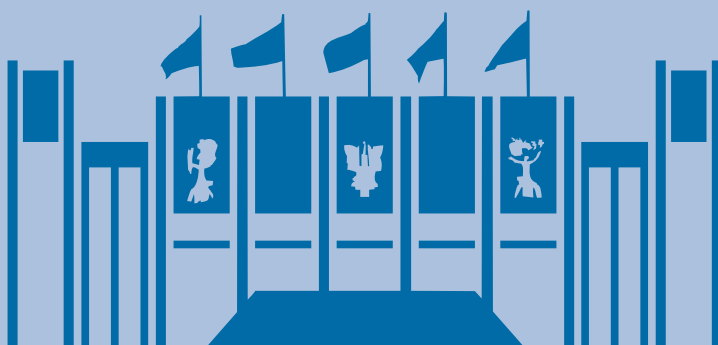
работы начинающих
исследователей

выпуск 1
сентябрь 2007

• *Эрнст Султанов*
Новые персидские войны
(состояние и перспективы американо-иранского
противостояния)

• *Юлия Кудряшова*
Традиции и перспективы отношений Турции
со странами Южного Кавказа
(Азербайджан, Грузия, Армения)

• *Елена Заемская*
Некоторые особенности
испанского языка в США

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Работы начинающих исследователей

Выпуск 1

Сентябрь 2007

Темы:

- «Новые персидские войны (состояние и перспективы американо-иранского противостояния)»
- «Традиции и перспективы отношений Турции со странами Южного Кавказа (Азербайджан, Грузия, Армения)»
- «Некоторые особенности испанского языка в США»

Главный редактор Александр Орлов

Редактор Валентина Шанкина

Дизайнер Николай Винник

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76, НКСМИ
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издается при поддержке
Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов НКСМИ МГИМО (У)

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России
119218, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 26
Заказ №308. Тираж 300 экз.
Подписано в печать 27.08.2007

© Султанов Эрнст Шамилевич, 2007
© Кудряшова Юлия Сергеевна, 2007
© Заемская Елена Альбертовна, 2007
© МГИМО (У) МИД России, 2007

Научно-координационный совет
по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

работы начинающих
исследователей

выпуск 1

сентябрь 2007

Эрнст Султанов

Новые персидские войны

(состояние и перспективы американо-иранского противостояния)

•

Юлия Кудряшова

Традиции и перспективы отношений Турции

со странами Южного Кавказа (Азербайджан, Грузия, Армения)

•

Елена Заемская

Некоторые особенности испанского языка в США

Москва

МГИМО – Университет

2007

Содержание

<i>Эрнст Султанов</i>	
Новые персидские войны (состояние и перспективы американо-иранского противостояния)	3
<i>Юлия Кудряшова</i>	
Традиции и перспективы отношений Турции со странами Южного Кавказа (Азербайджан, Грузия, Армения)	20
<i>Елена Заемская</i>	
Некоторые особенности испанского языка в США	34

Новые персидские войны (состояние и перспективы американо-иранского противостояния)

Эрнст Султанов

Операция коалиционных сил в Афганистане, а в еще большей степени вторжение в Ирак (в обоих случаях инициатором и главным участником военных кампаний были и остаются США) имели в качестве одной из главных целей изменение расстановки сил на Ближнем Востоке и создание плацдарма для давления на Иран. В свою очередь Тегеран за последующий период получил дополнительные «kozyри», позволяющие не только сохранить, но и значительно укрепить свои позиции. В этом контексте за счет текущего обострения отношений с Ираном Вашингтон пытается переломить ситуацию в регионе в свою пользу. Однако неконтролируемый рост напряженности может иметь непредвиденные последствия для всех игроков.

Афганский плацдарм

Вступление США и их союзников в Афганистан привело к ликвидации контролировавшего ситуацию в стране враждебного Ирану талибского режима. В результате влияние Тегерана на своего северного соседа резко возросло. Это связано с тем, что целый ряд клановых группировок, вернувших свои позиции в условиях оккупации, еще со времен советского вмешательства в дела Афганистана поддерживал тесные отношения с иранскими спецслужбами. Кроме того, Тегеран всегда имел крепкие позиции среди проживающих рядом с иранской границей и профессионально родственных хазарейцев.

В свою очередь Вашингтону так и не удалось создать необходимую базу для дальнейшего давления на Иран через Афганистан. Это объясняется тем, что талибы не только восстановили свое влияние в пуштунских провинциях, но и создали финансово-рекреативные центры в Пакистане. В этой связи показательно заявление заместителя Госсекретаря США Джона Негропonte, обвинившего Пакистан в недостаточно эффективной борьбе с талибами на своей территории. То есть, фактически речь идет о сложности не только наращивания, но и поддержания экспедиционного корпуса в Афганистане. С точки зрения материального обеспечения операции в Афганистане основную роль играют Узбекистан и Пакистан: при этом отношения США с режимом Каримова очень сложные, а зона пуштунских племен слабо контролируется Исламабадом.

Таким образом, перспективы долгосрочного пребывания США и их союзников в Афганистане становятся крайне сомнительными. Помимо критической ситуации со снабжением американо-наатовского контингента здесь играют роль еще два фактора. Во-первых,

это высокий уровень потерь. Потери убитыми и ранеными в ряде подразделений, дислоцированных в наиболее опасных регионах на границе Афганистана и Пакистана, составили до 10% личного состава. В частности, это вынудило французов эвакуировать спецназ, участвовавший в боевых операциях против талибов на юго-востоке Афганистана. Во-вторых, несмотря на достигнутый с октября 2001 г. максимум задействованных в Афганистане сил (в общей сложности 44 тысячи человек), США и их союзники не сумели переломить ситуацию в стране в свою пользу. По заявлению Министра обороны США Роберта Гейтса, количество нападений со стороны повстанцев на силы коалиции с сентября 2006 г. по январь 2007 г. (то есть, в традиционно наиболее спокойный сезон) выросло в три раза.

Ирак

Стабильность в регионе Персидского залива традиционно поддерживалась в треугольнике Иран – Ирак – Саудовская Аравия. Начиная с конца 90-х годов XX века, в контексте противодействия усиливающимся позициям Тегерана вновь стала укрепляться ось Багдад – Эр-Рияд. Баланс, при котором против наиболее сильной страны «треугольника» объединялись две другие, был нарушен оккупацией Ирака: Багдад из источника угроз и противника Тегерана превратился в его потенциального союзника.

Восстановить региональный баланс, создав в Ираке сильный и враждебный Ирану режим, Вашингтону не удалось. Дело в том, что в рамках тоталитарной системы, созданной Саддамом Хусейном, внутренней оппозиции, на которую могли бы опереться американцы, не было. Зарубежная оппозиция в лучшем случае не имела влияния в самом Ираке, а в худшем – была представлена некомпетентными неудачниками, которым не удалось обеспечить себе достойное место в эмиграции. В этом контексте экс-премьер Айяд Алави¹ и предлагал Вашингтону использовать для построения системы власти кадры старого режима. Однако, идеологизированный настрой американцев и целый ряд принятых под давлением шиитских политических структур законов фактически отрезал баасистам возможность инкорпорироваться в новую элиту. В результате наиболее значимая и эффективная часть «старой гвардии» (включая представителей спецслужб и армии) оказалась в рядах сопротивления.

Кроме того, в обстановке хаоса в Ираке погибло значительное количество враждебно настроенных по отношению к Тегерану или просто слишком влиятельных национальных, племенных и конфессиональных лидеров. В том числе были ликвидированы два наиболее влиятельных шиитских лидера – аятолла Абдельмаджид аль-Хои и аятолла Мухаммад Саид аль-Хаким.

Сложность в использовании Ирака как базы для давления на Иран связана еще и с тем, что к власти как в Багдаде, так и в стратегических регионах – Курдистане и Южном Ираке – пришли тесно связанные

¹ Занимал пост премьер-министра в период июнь 2004 – май 2005 гг.

с Тегераном политики. Наиболее авторитетный шиитский лидер Ирака – аятолла Систани – по происхождению является персом. Президент Ирака и лидер Патриотического союза Курдистана Джалал Талабани долгое время находился в эмиграции в Сирии и Иране. В свою очередь руководство Высшего Совета Исламской Революции в Ираке, включая и его нынешнего лидера Абдэль Азиза аль-Хакима, до свержения Саддама Хусейна также базировалось в Иране.

Вашингтон и Лондон в своей политике сделали акцент на дестабилизации Ирана как по идеологическому, так и по национально-конфессиональному принципу. В рамках этой линии, в частности, в Лондоне был проведен Конгресс иранских народов за федеративный Иран. Однако с непосредственной реализацией этого проекта, в том числе и с использованием территории Ирака, возникают определенные сложности. Базировавшаяся в период правления Саддама Хусейна в Ираке левацкая группировка Моджахеддине Хальк была значительно ослаблена в результате столкновений с боевыми подразделениями Высшего Совета Исламской революции в Ираке. В свою очередь и «непримиримая курдская оппозиция» в лице Демократической партии Иранского Курдистана функционирует в значительной степени под контролем Тегерана. В этой связи показательно, что традиционно партия заявляла о недопустимости силового, в том числе и извне, решения курдской проблемы. При этом, контроль над важными участками границы с иракской стороны получили близкие или созданные при участии Ирана силы, например Социал-демократическая партия Курдистана.

Сепаратизм в жесткой форме дал о себе знать в Иране только в июне 2005 г., когда «арабские националисты» организовали серию терактов в Хузистане. Однако и в этом случае вовсе не очевидно, что «террористы» не отслеживались, а соответственно, и не контролировались иранскими спецслужбами. Во-первых, в результате взрывов пострадали не столько госчиновники, сколько компактно проживавшие в зоне взрывов курды. И, во-вторых, теракты были организованы накануне выборов. В итоге население не только сплотилось вокруг режима, но и выбрало наиболее жесткого из кандидатов. Кроме того, кризисная ситуация дала повод иранским спецслужбам продемонстрировать свои мускулы англичанам, обвиненным Тегераном в организации терактов. После взрывов в Хузистане расквартированные на Юге Ирака британские войска понесли самые крупные потери за весь период оккупации.

Азербайджан

В рамках стратегии Вашингтона Азербайджан также представлялся в качестве важного плацдарма для поддержки сепаратизма в Иране. Однако в отличие от правительства Народного фронта режим Алиевых вовсе не был заинтересован в том, чтобы исключительно по идеологическим причинам портить свои отношения с влиятельным соседом. В свою очередь Запад из-за мощного армянского лобби в ряде ключевых стран (США, Франция) не готов был взамен гарантировать Азербайджану решение вопроса оккупированных территорий. И, наоборот, именно иранский режим претендует на роль потенциального посредника между

Ереваном и Баку в рамках возможных переговоров по мирному урегулированию. Дело в том, что у Тегерана есть рычаги воздействия на Ереван: в условиях сохраняющихся российско-грузинских противоречий Иран, с одной стороны, становится важнейшим поставщиком нефти и газа в Армению, а с другой, предоставляет ей выход во внешний мир.

Таким образом, в своих отношениях Тегеран и Баку фактически согласились на статус-кво. Иранцы отказались от шиитской пропаганды в Азербайджане. (В этой связи показательно, что в условиях, когда собственных шиитских ученых в Азербайджане недостаточно, население активно переходит или возвращается из шиизма в суннизм.) В свою очередь, Баку не допускает на своей территории пропаганды независимости Северного Ирана. У Баку и Тегерана обозначились и иные точки сближения. Иранские инвесторы активно действуют на территории Азербайджана: в частности, им принадлежит значительная доля проектов в области строительства недвижимости в Баку. Кроме того, с 2005 г. Иран стал поставлять газ в Нахичевань, тем самым решив одну из наиболее чувствительных проблем Азербайджана.

Ливан

Ливан как единственный доступный и безопасный для Тегерана финансовый центр рассматривался Вашингтоном в качестве ахиллесовой пяты режима аятолл. С одной стороны, безопасность иранских вложений и банковских операций гарантировала бизнес-империю Рафика Харири, имевшая возможность через свои инвестиционные, строительные, телекоммуникационные подразделения проводить, очищать и вкладывать финансовые средства по всему миру. С другой стороны, страховкой служило сирийское присутствие в стране, наличие таких сил как Хизбалла и Амаль. В этом контексте убийство Рафика Харири, выступавшего гарантом вложений, стало ударом по Ирану. Одновременно Сирия была вынуждена вывести свои войска из Ливана, а Совет Безопасности ООН принял резолюцию, предусматривавшую разоружение всех неправительственных сил, то есть Хизбаллы.

Вопреки ожиданиям Вашингтона вывод сирийских войск не нанес существенного ущерба иранским интересам. Присутствие сирийцев в Ливане, с одной стороны, враждебно воспринималось значительной частью населения, а с другой, существенно сковывало возможности других союзных Ирану сил. Таким образом, после ухода сирийцев у движения Хизбалла расширились возможности для маневрирования в рамках ливанского политического поля. Впервые участвуя в парламентских выборах, возглавляемое шейхом Насраллой движение сразу же заняло второе место, а поддержка Хизбаллы позволила движению «аль-Мустакбаль» Саада Харири получить восемнадцать дополнительных мест в парламенте. В свою очередь представители наиболее популярного шиитского движения вошли в правительство Фуада Сеньоры.

Сомнительные для Израиля итоги его вторжения в Ливан способствовали еще большему изменению внутриливанской политической динамики. Прежде всего, резко усилились позиции шейха Насраллы

в Ливане: Хизбалла стала наиболее влиятельной, в том числе и электорально, силой в стране. В свою очередь силы, стоящие за «Революцией кедров», оказались во многом дискредитированы. Прозападное правительство не только не смогло остановить новое вторжение, но и фактически не приняло деятельного участия в защите страны.

Таким образом, правительство Фуада Сеньоры оказалось в ловушке. С одной стороны, поддержать США на переговорах по итогам июльско-августовской войны (2006 года) означало бы для него выступить против движения Хизбалла. Дело в том, что основным требованием Вашингтона было разоружение Хизбаллы, за которым должно было последовать уголовное преследование лидеров движения в рамках «Международного трибунала по делу Рафика Харири». С другой стороны, альтернативы у коалиции Харири – Сеньора не было, поскольку она лишалась бы двух своих основных козырей: политической поддержки Запада и финансовых средств, необходимых, в том числе, и для восстановления страны. Не имея ресурсов, внешней и внутренней поддержки, правительство становилось слабым и полностью зависящим от позиции шейха Насраллы.

В этой ситуации коалиция Харири – Сеньора выбрала единственный вариант, оставлявший ей шансы на политическое выживание. Поддержав вашингтонский план мирного урегулирования с Израилем, ливанское правительство обеспечило себе политическую и финансовую поддержку основных стран Запада и арабского мира, что позволило ему удержаться у власти даже после подачи в отставку шести министров (христиан и шиитов). В свою очередь, за счет укрепления позиций Хизбаллы и Амаля резко усилилась ливанская оппозиция. На сегодняшний день вместе с присоединившимися шиитами в нее входят Свободное патриотическое движение Мишеля Ауна и партия Марада Сулеймана Франжье (электоральную базу составляют, прежде всего, христиане), представители Сирийской национально-социальной партии (сунниты) и друзский клан Таляля Арслана. В рамках этой связки генерал Аун, пользующийся огромной популярностью в стране, в том числе среди шиитов, вполне может стать следующим президентом Ливана. В свою очередь, большинство в парламенте будет за сторонниками новой оппозиции, что означает, прежде всего, получение контроля над правительством.

Политический кризис в Ливане также сыграл на руку Ирану. В контексте обострения ситуации в стране сформировавшиеся коалиции вынуждены ориентироваться на внешние силы. В 2005 г. как Хасан Насралла, так и Мишель Аун пытались заигрывать с Западом, прежде всего европейцами. Движение Хизбалла поддержало и вошло в состав «прозападного правительства», в свою очередь генерал Аун прибыл для участия в выборах из длительной эмиграции во Францию. В конечном счете, чуть ли не основную роль в процессе урегулирования сыграли личные отношения между Фуадом Сеньорой и Кондолизой Райс, с одной стороны, и семейством Харири и Жаком Шираком, с другой. В результате Запад сделал свой выбор в пользу коалиции «кедровой революции», что выразилось как в политической, так и в экономической поддержке формально нелегитимного правительства Сеньоры. (Пози-

ция испанцев и итальянцев, исходивших из необходимости диалога с движением Хизбалла, не получила поддержки в ЕС.) В этой ситуации Тегеран сохранил свой статус приоритетного внешнеполитического союзника для Хасана Насраллы и Мишеля Ауна.

Неудавшаяся международная изоляция Ирана

Международная изоляция стала одной из тех задач, на которых Вашингтон сконцентрировал свои основные усилия в рамках борьбы с Тегераном. Однако добиться результатов, сопоставимых с относительными достижениями на фронтах борьбы с режимами Саддама Хусейна в Ираке или Ким Чен Ира в КНДР, США на этом направлении не сумели. Прежде всего, это связано с тем, что Иран играет одну из ключевых ролей на мировой энергетической сцене в качестве второго по объемам экспорта члена ОПЕК и одного из инициаторов создания газового картеля. В рамках ОПЕК, например, сформировалась связь между Тегераном и Каракасом, а в рамках потенциального «газового ОПЕК» – между Тегераном и Москвой (во всяком случае, подобная точка зрения получила хождение на Западе). Иран также является стратегическим партнером Индии и Китая в качестве поставщика энергоресурсов, а ведущие компании из России, Италии и Франции работают на иранских нефтяных и газовых месторождениях.

Давлению со стороны США Иран противопоставил участие в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Это, в частности, означало установление нового уровня взаимодействия между Тегераном, с одной стороны, и Москвой и Пекином, с другой. Кроме того, не все союзники Вашингтона по НАТО готовы к «слишком жестким и решительным» действиям против режима аятолл. Иран является одним из ключевых внешнеэкономических партнеров для ряда европейских стран. Активным лоббистом «мягкой» линии в отношении Тегерана является, например, Италия. В этом контексте показательно, что бывший министр иностранных дел этой страны Джанфранко Фини, считающийся одним из наиболее дружественных Тель-Авиву итальянских политиков, вынужден был отказаться от участия в акциях протеста против политики Махмуда Ахмадинежада под давлением Конфиндустрии (итальянский аналог Российского союза промышленников и предпринимателей).

Растет роль Тегерана в «исламском мире», причем как на правительственном, так и неправительственном уровнях. Тегеран за последние годы стал одним из лидеров Организации Исламская конференция (ОИК) и «Большой восьмерки развивающихся стран» (т.н. «Исламской Восьмерки»). В этой связи показательно, что, несмотря на сложные отношения с Тегераном, ни один из арабских режимов сегодня не решается открыто выступать с антииранских позиций, как это было в 1980-е годы. В свою очередь, влияние Ирана постоянно увеличивается, в том числе и за счет взаимодействия с организацией «Братьев-мусульман». В этой связи показательно, что Иран является одним из главных союзников и доноров движения ХАМАС – палес-

тинского варианта или отделения «Братьев». А если учитывать, что в значительной части арабских стран в случае проведения полноценных демократических выборов исламской оппозиции, в том числе в лице «Братьев», обеспечен приход к власти, эти отношения становятся одним из ключевых козырей во внешней политике Тегерана.

При аятолле Хаменеи иранский режим стал более гибким и практичным. Не участвуя в ирако-кувейтском конфликте, Ирану удалось получить максимальные дивиденды, в том числе и контроль над Шатт-эль-Араб. То есть, территориальный спор, вызывавший конфликты как во времена шаха Пехлеви, так и в период после победы Исламской революции, был решен политическим, а не военным путем. Та же линия, то есть отказ от прямого вовлечения в конфронтационные сценарии, была использована в рамках текущих конфликтов в Афганистане, Ираке и Ливане.

В свою очередь и выборы в Иране, прежде всего президентские, в какой-то мере являются показателями текущей внешнеполитической линии режима. Так, при не совсем благоприятных для Тегерана внешнеполитических условиях середины 1990-х годов президентом был избран Хатами, который для остального мира и, прежде всего Вашингтона, олицетворял «демократические реформы» и готовность к компромиссам в международной политике. Пиком этой политики стал проект «мирового соглашения», предложенный Вашингтону высшим иранским руководством. По аналогии с договоренностями с режимом полковника Каддафи в Ливии, в нем предусматривалась поддержка США в Ираке в сочетании с выполнением американских требований в отношении ядерной программы Ирана. В обмен Тегеран рассчитывал на прекращение Вашингтоном санкций, а также поддержки антиправительственных группировок. Однако с изменением ситуации (как следствия американского топтания на месте в Афганистане и провалах в Ираке) изменилась расстановка сил и в Тегеране: на президентских выборах победил Махмуд Ахмадинежад, олицетворяющий жесткую линию, в том числе по самому чувствительному вопросу – атомной энергетике.

В этих новых условиях у республиканской администрации было два варианта действий. Первый предусматривал переговоры, учитывающие то обстоятельство, что с 2003 г., когда Вашингтон отверг первоначальные предложения Тегерана, потенциал Ирана существенно возрос, а возможности США, наоборот, сократились. Соответственно, данный вариант требовал поиска компромиссов по целому ряду вопросов, включая Ирак, Ливан, Сирию и Палестину. Кроме того, учитывая небольшие сроки (от нескольких месяцев до двух лет), необходимые Ирану для качественного прорыва в рамках программы по развитию атомной энергетике, отказ Тегерана от создания ядерного оружия стал бы ключевым положением потенциальной договоренности. Гарантией для Вашингтона могло бы быть возобновление мониторинга иранских объектов атомной энергетике и введение ограничений на обогащение урана. В свою очередь, при невыполнении обязательств американцами Тегеран мог бы существенно ограничить контроль со стороны МАГАТЭ, а также ввести новые мощности по обогащению урана.

Второй вариант предусматривал эскалацию напряженности с тем, чтобы «додавить режим аятолл» или, как минимум, заключить сделку на условиях, «не хуже предложений 2003 г.».

Комиссия Бейкера-Гамильтона, созданная для поиска путей решения иракского кризиса, фактически поддержала первый вариант, предложив подключить к решению иракской проблемы Тегеран и Дамаск. В свою очередь выбор республиканской администрации в пользу второго варианта во многом был связан с позицией ряда ближневосточных союзников Вашингтона, выступавших за более радикальные меры в отношении иранского режима. Они же фактически и присоединились к создаваемому Вашингтоном санитарному кордону вокруг Ирана. В его рамках, в частности, в Аммане проводятся встречи представителей спецслужб ряда антиирански настроенных стран Ближнего Востока и США.

Проблема надежности американских ближневосточных партнеров

Слабым местом выбранной Вашингтоном стратегии является, прежде всего, высокая степень внутривосточной уязвимости его ближневосточных союзников.

Так, в Саудовской Аравии средний возраст высшего эшелона режима, включающего короля, наследного принца и следующих за ними претендентов на престол, составляет около восьмидесяти лет. Таким образом, существуют две потенциальные проблемы, способные вызвать серьезный кризис власти в королевстве. С одной стороны, вследствие преклонного возраста монархи становятся менее дееспособными, по сути временными, поскольку в соответствии с действующим Положением о власти королевский титул наследуется только сыновьями короля – основателя КСА Абдель Азиза Абдурахмана аль-Фейсала Аль Сауда. С другой стороны, можно прогнозировать обострение борьбы между группировками родственников внутри саудовского клана.

Уже сейчас члены саудовского «политбюро» активно проталкивают своих младших родственников, минуя клановую иерархию. В этой связи показателен пример нынешнего короля, продвижение которого по «карьерной лестнице» началось при короле Фейсале, который в противовес группе Судейритских принцев назначил Абдаллу командующим Национальной гвардией. В свою очередь Абдалла способствовал укреплению политического влияния Сауда аль-Фейсала – сына своего покровителя.

Внутриклановая борьба актуальна и для других монархий Залива. Так, в Кувейте новый эмир Сабах аль-Ахмад аль-Джабир Ас-Сабах назначил человека из своей внутрисемейной группы на пост премьера и способствовал избранию Джабирита на пост наследного принца.

В рамках этой борьбы возрастает значение и внешних факторов, в том числе и отношений с Тегераном. Во-первых, ключевая Восточная нефтяная провинция Саудовской Аравии – это зона компактного проживания шиитов. Во-вторых, вне зависимости от своей конфессио-

нальной или социальной принадлежности большинство населения Саудовской Аравии в отличие от официальных властей относится к США достаточно враждебно и симпатизирует Ахмадинежаду. В-третьих, для внешнеполитического сближения между Эр-Риядом и Тегераном отсутствуют непреодолимые противоречия, например территориальные споры. В то же время есть значительное число вопросов, по которым стороны могут и даже заинтересованы договариваться: ОПЕК и вопрос нефти, Палестина, Ливан, Ирак, исламская интеграция.

Возрастная проблема также актуальна и для Египта: избранный на очередной шестилетний срок президент Хосни Мубарак является практически ровесником саудовского короля. В этой связи вне зависимости от того, кто унаследует престол — Гамаль Мубарак (сын нынешнего президента) или же представитель силовиков (например, Омар Сулейман) — существует значительная вероятность, как это было после смерти Гамала Насера и Анвара Садата, внутривластного конфликта. Дело в том, что Гамаль Мубарак считается многими слишком слабым политиком (к тому же не военным), в то время как в среде силовиков есть свои могущественные и претендующие на власть группировки.

Потенциальный конфликт может окончательно дестабилизировать режим, который и так постоянно находится под угрозой социального взрыва. В этой связи необходимо отметить, что у египетских властей нет такого средства сглаживания социальной нестабильности как обилие нефтедолларов. То есть, если в Саудовской Аравии за счет экспорта углеводородного сырья в условиях крайне высоких цен на нефть еще как-то удастся ослабить социальную напряженность, то в Египте уровень жизни населения неуклонно снижается. В то же время популярность «Братьев-мусульман» растет: на локальном уровне (особенно в центральном и верхнем Египте) исламская оппозиция зачастую является единственной силой, которая обеспечивает функции государства, прежде всего в социальной и образовательной сфере (больницы и школы). Одновременно «Братья-мусульмане» в Египте мобилизуют значительную часть получивших качественное образование, в том числе и на Западе, профессионалов, а также средних и мелких бизнесменов. Территориальную организацию «Братьев-мусульман» сложно не только ликвидировать, но и существенно ослабить. Дело в том, что структура исламской оппозиции в отличие от традиционной партийной строится вокруг мечетей. Кроме того, если раньше власть обладала монополией на масс-медийную пропаганду, то во времена параболических антенн независимая «Аль-Джазира» имеет гораздо большее влияние, чем газета «Аль-Ахрам» или все каналы египетского телевидения вместе взятые.

Таким образом, уход Хосни Мубарака может создать условия для еще большего усиления (в том числе и формального) влияния «Братьев-мусульман», имеющих к тому же могущественного союзника в лице Ирана. В этой связи показательно, что даже, несмотря на использование на полную мощность административного ресурса в ходе последних парламентских выборов, режиму не удалось остановить укрепление позиций исламской оппозиции в Народном собрании. В свою очередь и крупный, связанный с режимом бизнес, осознавая неизбежность политических изменений, начинает выводить свои

активы из Египта. Например, близкие к семье Мубарака собственники крупнейшего в Северной Африке оператора связи – ОРАСКОМ переводят штаб-квартиру своей империи из Египта в Италию.

Кризис власти затронул также и Израиль, где значительная часть политической элиты проходит фигурантами уголовных дел. Моше Кацав, избранный президентом после вынужденного уйти в отставку из-за коррупционного скандала Эзера Вейцмана, сам оказался отлученным от власти, будучи обвиненным в многочисленных случаях сексуального домогательства². Нынешний премьер-министр Эхуд Ольмерт находится под следствием по фактам коррупции и незаконных сделок с недвижимостью, а руководитель его канцелярии Шула Закен подозревается в махинациях при назначениях в налоговое управление Израиля. Ушедший в отставку глава Генерального штаба Дан Халутц обвиняется в использовании служебной информации в личных целях: за несколько часов до начала военной операции в Ливане он продал все свои акции на бирже Тель-Авива. Правые радикалы, включая бывшего министра инфраструктуры Авигодора Либермана, обвиняются в связях с организованной преступностью, а также коррупции при распределении государственных подрядов.

В результате текущих скандалов доверие к политической и военной элите в израильском обществе опустилось до рекордно низкого уровня, что может иметь два серьезных последствия. Во-первых, все большую роль как при формировании правительств, так и при принятии ключевых решений будут приобретать тактические (укрепление власти правительства), а не стратегические (укрепление государства) факторы и задачи. То есть, как и в случае с вторжением в Ливан, многие решения будут приниматься по конъюнктурным соображениям. И, во-вторых, в этих условиях становятся возможными как дальнейшая радикализация будущих кабинетов министров, так и создание коалиционных правительств при поддержке израильских арабов или даже с их участием. Таким образом, можно ожидать, с одной стороны, повторений «ливанской авантюры», а с другой – шагов, направленных на «ликвидацию режима апартеида». При этом вполне возможно и последовательное совмещение этих двух тенденций.

Любой из данных вариантов (или определенная их совокупность) будет выгоден для Тегерана. Жесткие действия Израиля, включая введение войск в Сектор Газа, убийство палестинских лидеров или нанесение вреда святыням в Иерусалиме, приведут к еще большей радикализации в арабских странах. В результате противникам Ирана в регионе придется либо сдерживать свою «улицу», что чревато ростом внутренней напряженности, либо менять свою внешнеполитическую доктрину. Кроме того, в случае очередного израильского провала (а уже в Ливане были отмечены случаи дезертирства) Вашингтону будет еще сложнее говорить с Ираном с позиции силы.

Другим недостатком создаваемой Вашингтоном антииранской коалиции является отсутствие доверия друг к другу. В этой связи можно

² В июне 2007 г. новым президентом страны избран ветеран израильской политической элиты Шимон Перес.

выделить два показательных момента. Во-первых, между двумя ключевыми союзниками США среди арабских стран – Саудовской Аравией и Египтом – все больше усиливается соперничество по вопросу о первенстве в «арабском доме». Традиционно роли между ними были распределены следующим образом: Эр-Рияд, прежде всего, выступал как финансовый лидер, в то время, как Каир брал на себя реализацию политических инициатив. Кроме того, несмотря на бравурные заявления, Каир не имеет необходимых ресурсов для того, чтобы выдержать начатую Тегераном и поддержанную Эр-Риядом «атомно-энергетическую гонку». А это грозит еще больше отодвинуть нынешний египетский режим на второй план в арабском мире. Во-вторых, континентальные европейцы и американцы придерживаются принципиально отличных позиций по Ирану. Водоразделом является вопрос о возможности применения силы в отношении Тегерана. Если для Вашингтона и Лондона этот вопрос является открытым, то Париж, Берлин, Мадрид и Рим выступают за недопущение даже дискуссии в этом направлении.

Возможные варианты политики США в отношении Ирана и его соседей

Одним из основных элементов нового американского подхода к иракскому режиму является дальнейшая политико-экономическая изоляция Тегерана. Инициатива включает в себя новые меры, такие как санкции и даже бойкот компаний, инвестирующих, даже косвенно, в иранскую экономику, а также ведущих бизнес, в том числе нефтяной, с режимом аятолл. Однако добиться больших успехов на этом направлении антииранской коалиции вряд ли удастся. Во-первых, даже сами Соединенные Штаты относятся к режиму санкций избирательно: характерным примером в этом плане являются поставки запчастей к иранским истребителям F-14. Во-вторых, данные меры скорее будут использованы в конкурентной борьбе за иранский рынок, что к тому же чревато конфликтом между США и европейскими странами. Дело в том, что немецкие, французские и итальянские компании активно ведут бизнес в Иране. И это при том, что норма прибыли в Иране по крупным проектам (в частности, поставкам стали для строительства железных дорог и линий метрополитена) находится на уровне «ниже среднего». Кроме того, для европейских стран, в отличие от США, вопрос нефтегазового импорта является жизненно важным. В этом плане дальнейшее обострение ситуации вокруг Ирана будет все больше восприниматься как угроза энергетической безопасности Европы. В-третьих, в Иране отсутствует развитый фондовый рынок, который мог бы пострадать в результате военных действий, спровоцировав тем самым политический и социальный конфликты.

В рамках линии Вашингтона на обострение отношений с Ираном новая роль может быть отведена Афганистану. Это связано с необходимостью создания плацдарма для удара по иранским объектам, главным образом баз для размещения бомбардировочной авиации. С другой стороны, иностранный контингент в Афганистане, включая

двадцать четыре тысячи американцев, может оказаться хорошей мишенью в случае обострения отношений между Тегераном и Вашингтоном. Именно в этом контексте американцы вновь заинтересовались судьбой режима в Кабуле и объявили о выделении восьми — десяти миллиардов долларов на нужды Афганистана.

Для формирования условий, необходимых для нанесения удара по Ирану со стороны Афганистана, американцам придется решить целый ряд задач. Во-первых, создать тыловую инфраструктуру поддержки военного контингента. Причем большинство объектов предстоит возвести заново. Многие объекты, построенные в свое время советскими специалистами, с 1992 г. не поддерживались и поэтому пришли в негодность. Во-вторых, существует потребность в создании местных силовых подразделений для борьбы с повстанцами. Эта проблема осложняется тем, что фактически афганских силовых структур как государственного института не существует. То есть, племенная и личная преданность имеют для солдат и полицейских гораздо большее значение, чем абстрактное государство. В свою очередь, полевые командиры остаются правительственными офицерами и генералами, пока это приносит им определенную выгоду, а центральные власти не покушаются на их «независимость». Кроме того, исторически и геополитически ситуация сложилась таким образом, что создание полноценной армии в Афганистане возможно только в том случае, если ее основу будут составлять пуштуны. При этом любые шаги в направлении пуштунизации власти на всей территории страны приведут к резкому обострению ситуации на национально-территориальной почве, по аналогии с процессами, которым противостоял режим президента Наджибулы в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В-третьих, учитывая, что власть кабульского правительства на большей части территории страны является лишь номинальной, Вашингтону придется озаботиться обеспечением лояльности территориально-племенных вождей. В противном случае планы использования Афганистана в качестве плацдарма для потенциальных ударов по Ирану станут западней для самих американцев: даже расположенная под Кабулом база Баграм не может быть использована в полной мере из-за опасности нападений и обстрелов со стороны талибов. Свидетельством нестабильного положения вокруг базы являются теракты, организованные боевиками во время пребывания на базе Баграм вице-президента США Д. Чейни.

В свою очередь обеспечение лояльности племенных вождей и полевых командиров, являющихся одновременно и крупнейшими землевладельцами, во многом поставит под удар решение проблемы борьбы с наркотрафиком. А это чревато возникновением целого ряда дополнительных проблем, как для Вашингтона, так и для Европы. Для европейцев, в частности, борьба с производством и экспортом героина является одним из основных оправданий их участия в афганской операции НАТО. Кроме того, смягчение контроля в этом вопросе может привести к серьезным проблемам с дисциплиной и моральным уровнем в среде иностранных военных.

Ход дел в Афганистане показывает, что американцы едва ли сумеют добиться больших успехов в борьбе с оппозицией, чем это удалось в

свое время сделать Советскому Союзу. В этой связи необходимо учитывать, что СССР в Афганистане задействовал на постоянной основе в два–три раза больше сил и средств, чем это делают силы коалиции в настоящее время. Советский контингент в Афганистане находился под единым командованием и мог рассчитывать на прошедшие длительную подготовку местные кадры, в том числе военных и сотрудников органов безопасности, а советские специалисты активно работали в стране еще во времена Захир-шаха. Необходимо также учитывать, что советская система снабжения была организована гораздо эффективнее и безопаснее, чем натовско-американская. Так, доставка грузов через территорию Пакистана (Пешавар) гораздо опаснее, чем через Туркменистан (Кушка), Узбекистан (Термез) и Таджикистан (Пяндж). Использование Советским Союзом авиации в рамках транспортных и военных операций также было налажено гораздо лучше, прежде всего благодаря большому на порядок количеству задействованных аэродромов как в самом Афганистане, так и по всему периметру границы. Причем в военных целях могли использоваться также и гражданские аэродромы. Характерный пример в этом плане Андижан, где зачастую задержки регулярных рейсов были связаны с чрезвычайными боевыми ситуациями. При этом фактически единственным аргументом, говорящим в пользу оккупационных сил в новой Афганской войне, является отсутствие на стороне талибов серьезной внешней силы. Так, «пешаварская шестерка» на борьбу с советским контингентом в Афганистане получала от США финансовую помощь, достигавшую при президенте Рейгане миллиарда долларов в год. Помимо этого в 80-е годы XX века афганская оппозиция свободно приобретала на мировом рынке любые виды оружия – возможность, которой талибы не располагают в настоящее время.

На фоне неэффективности действий Вашингтона в Афганистане даже Исламабад – один из ключевых региональных союзников американцев в рамках операции в Афганистане, готовится к потенциальному изменению ситуации. Власти в Кабуле, например, прямо обвиняют пакистанские спецслужбы в укрывательстве ряда лидеров оппозиции: для Исламабада это козырь на случай вывода американо-натовского контингента. В свою очередь американцы безуспешно требуют от президента Пакистана генерала Мушаррафа более жестких действий в Вазиристане и Белуджистане. Однако даже под угрозой резкого сокращения финансовой помощи власти Пакистана вряд ли пойдут на развязывание жесткой карательной операции в Зоне племен. Во-первых, может вновь встать вопрос о принадлежности этих территорий, которые достались нынешнему Пакистану по наследству от англичан. Во-вторых, использование регулярной армии в горной местности малоэффективно и очень затратно. Необходимо учитывать, что ряд лидеров племенных конфедераций может в сжатые сроки мобилизовать до восьмидесяти тысяч вооруженных сторонников. В-третьих, учитывая то, что сам Пакистан представляет собой национально-конфессиональный котел, пример пуштунов может стать заразительным. Фактически же, пока, правда, в мягкой форме, гражданская война на религиозно-национальной почве в Пакистане уже идет: практически ежедневно происходят теракты, направленные

против госчиновников, сотрудников служб безопасности и военных, одновременно с убийствами и арестами противников режима. В-четвертых, у Пакистана отсутствуют достаточные ресурсы для ведения войны в Зоне племен в течение длительного времени. В-пятых, любой внутриамериканский конфликт потенциально может быть поддержан Индией, как это было в случае с Восточным Пакистаном (Бангладеш). Таким образом, даже если учитывать, что переворот, организованный генералом Мушаррафом, как и переворот генерала Зияульхака, были выгодны прежде всего Соединенным Штатам, чего-то большего от нынешних пакистанских властей Вашингтону вряд ли стоит требовать. Это касается, в том числе, и возможности использования Пакистана в операции против Ирана. Максимум, на что могут рассчитывать американцы, — это уступка в виде ареста и выдачи кого-то из представителей среднего звена талибского режима.

Новая тактика США в Ираке также строится на вероятности конфликта с Ираном. В этой связи необходимо отметить как ужесточение борьбы с различными ориентирующимися на Иран повстанческими группировками, так и меры по перекрытию границы с Ираном. Кроме того, фактически Вашингтон сделал ставку на правительство Малики-аль-Хакима в качестве потенциального противовеса Тегерану. Так, чтобы вывести из-под влияния Ирана и склонить на свою сторону Бахра аль-Хакима был нанесен удар по Армии Махди, которая является усиливающимся конкурентом возглавляемого им Высшего Совета Исламской Революции в Ираке. Однако данная политика также представляет собой ловушку. Дело в том, что Вашингтон не готов дать нынешнему иракскому правительству карт-бланш на жесткое наведение порядка, не имея уверенности в его полной надежности и поддержке, в том числе по иранскому вопросу. В этом контексте показательно, например, что в Басре англичане периодически проводят рейды против объектов сил безопасности, подчиняющихся непосредственно аль-Хакиму. В свою очередь, правительство в Багдаде вряд ли пойдет на разрыв с Тегераном, учитывая отсутствие безоговорочной поддержки со стороны коалиции, иранское влияние и перспективу вывода американо-британских сил.

Сложность борьбы с иранским влиянием связана еще и с тем, что фактически полноценный пограничный контроль существует только с иранской стороны. Протяженность ирано-иракской границы составляет 1387 км, а ее значительная часть проходит через горную (Северный Ирак) и болотистую (провинция Майдан) местность.

В определенной степени Вашингтон пытается разрешить эту ситуацию посредством направления дополнительных сил в Ирак. Однако и в данном направлении у Вашингтона возникают серьезные проблемы. Англичане готовятся к постепенному выводу своего контингента из Ирака. В свете рокировки Блэра на Брауна новому премьеру необходимо будет продемонстрировать определенный позитив «лейбористским массам»: вывод войск из Ирака представляется наиболее логичным шагом в этом направлении.

Учитывая повышенные риски, маловероятно также, что свои аэродромы для потенциальной военной операции против Ирана готовы будут предоставить арабские союзники Вашингтона. Даже Кувейт,

учитывая потенциальные противоречия, прежде всего территориальные, с Багдадом, а также шиитский фактор внутри страны, вряд ли согласится нарушить свои стабильные отношения с Тегераном. Таким образом, у Вашингтона остается два наиболее безопасных плацдарма для нанесения ударов по Ирану — это флот и Израиль.

Демонстративное усиление военно-морской группировки США в Персидском заливе одновременно несет в себе и дополнительные риски для Вашингтона. Во-первых, Иран контролирует Ормузский пролив. Во-вторых, в распоряжении иранского режима имеются современные эффективные средства ведения войны, в том числе скоростные катера и беспилотные самолеты. В 2000 г. террористам удалось вывести из строя американский эсминец «Коул», используя простые моторные лодки. В-третьих, у Тегерана со времен ирано-иракской войны накопился богатый опыт военных операций против коммуникаций противника в Заливе.

Нанесение удара израильской авиацией по иранским военным и атомным объектам в принципе могло бы быть успешным по аналогии с уничтожением иракского ядерного центра в Осираке. В этом плане показательно, что в апреле 2005 г. Пентагон уведомил Конгресс о своем намерении продать Израилю antibункерные бомбы «ГБУ-28». В свою очередь, Тель-Авив неоднократно допускал утечку информации о «запросе воздушного коридора через Ирак» у Вашингтона. Однако в этой ситуации проблема состоит в том, что как в политическом, так и в военном плане Иран значительно сильнее и опаснее, чем Ирак. Кроме того, в этом случае под угрозой окажется политическая стабильность в проамериканских арабских странах. Показательно в этой связи, что в период проведения операции «Буря в пустыне» Вашингтон приложил все усилия для того, чтобы не допустить ответа Израиля на ракетные удары со стороны Ирака: в противном случае общественное мнение в мусульманских странах могло бы резко измениться.

Необходимо подчеркнуть, что отдельные аналитики, особенно после «пробуксовки» израильской армии в Ливане, высказывают опасения, что использование израильской авиации против Ирана может оказаться менее успешным, чем на это рассчитывают в Вашингтоне и Тель-Авиве. В этой связи отмечается, что наибольших успехов Тель-Авив добился в рамках высокоманевренных операций: в частности, для уничтожения сирийской ПВО в долине Бекаа израильские летчики совершили круг, зайдя на цель со стороны Турции. В свою очередь следует учитывать, что зона досягаемости объектов на территории Ирана для израильской авиации достаточно ограничена. Соответственно, воздушные силы Израиля вряд ли сумеют в полной мере использовать фактор неожиданности. А соответственно, действия израильтян могут быть в значительной степени просчитаны иранскими военными, что снижает шансы на успех операции.

Налет израильской авиации на объекты в Иране, по оценкам многих специалистов, может иметь катастрофические последствия для мировой экономики. Во-первых, сам Иран является одним из крупнейших мировых экспортеров нефти. Прекращение Тегераном экспорта углеводородного сырья на мировой рынок способно вызвать дефицит

в размере трех с половиной – четырех миллионов баррелей нефти в день. Во-вторых, даже Саудовская Аравия не имеет достаточных мощностей для того, чтобы в течение короткого периода времени покрыть образовавшийся дефицит сырья. В-третьих, реакция на возможную израильскую атаку со стороны населения арабских стран, в том числе и в монархиях Персидского Залива, может поставить под угрозу все попытки режимов этих государств помочь западным союзникам преодолеть углеводородный кризис. В-четвертых, две третьих саудовской нефти, а также нефть из других заливных монархий транспортируется морским путем через Персидский залив. Для того, чтобы сделать его несудоходным иранцам даже не нужно использовать военные средства: достаточно будет затопить несколько танкеров. В-пятых, ряд нефтеэкспортирующих стран (прежде всего, Венесуэла) может существенно сократить отгрузку сырья в знак солидарности с Ираном.

Реализация конфронтационного сценария может иметь и иные негативные последствия. Во-первых, смена режима в Иране в результате военной акции является маловероятной (учитывая неприемлемость такого варианта даже для внутрииранской оппозиции). Сам факт агрессии может стать консолидирующим фактором, способным закрыть основные как внутриэлитные, так и внутриобщественные противоречия. Во-вторых, не является фактом, что ядерная программа Ирана в результате силовой акции будет остановлена, и даже просто отброшена назад. Помимо мощной системы ПВО, которой располагает Иран, наличия ложных целей, сами ядерные объекты, большинство из которых находится глубоко под землей, надежно защищены от ударов с воздуха.

В своих отношениях с Вашингтоном сам Тегеран активно пользуется методом «кнути и пряника». Иранский режим просит посредничества Эр-Рияда для проведения переговоров с американцами и в то же время придерживается жесткой линии по Ираку.

С одной стороны, Иран демонстрирует жесткость и готовность к потенциальному конфликту. Объявляется о завершении первого этапа создания с помощью России современной системы ПВО, в рамках которого на вооружение иранской армии поступило 17 комплексов «ТОР-М1». Активно проводятся учения, в том числе с отработкой предполагаемых конфликтных сценариев и с использованием ракет средней и малой дальности. Кроме того, в рамках нового военного бюджета до 20% средств поступили на специальные нужды, включая разведывательную деятельность и разработку нового оружия. С другой стороны, осуществляя собственный вариант демократии, Тегеран всегда оставляет для себя пространство для маневра. Аналогично тому, как Вашингтон дает всему остальному миру «поболеть» на выбор либо за демократов, либо за республиканцев, также и Тегеран предлагает Западу альтернативу на выбор: Хатами – Хаменеи или Ахмадинежад – Рафсанджани.

Дальнейшее наращивание напряженности по всей линии фронта между Ираном и Соединенными Штатами может иметь неожиданные последствия для всех игроков. Прежде всего, речь идет о ситуации в Ираке и Пакистане. В Ираке, например, следствием продолжения борьбы мускул может стать экономическая и энергетическая катастрофа.

Действующая энергетическая система — это то немногое, что осталось у Ирака от прежних времен. Но и в энергетике проблемы налицо. Так, например, на построенной в начале 70-х годов XX века Доканской ГЭС, которая должна обеспечивать электричеством провинцию Сулеймания, из шести турбин работает только две. В случае же дальнейшего обострения внутреннего конфликта текущий ремонт на электростанциях, не говоря уже о реконструкции или строительстве новых, станет практически невозможным. А в положении «блэкаута» ситуация может окончательно выйти из-под контроля нынешних как внутрииракских, так и внешних игроков. В частности, даже в относительно безопасном иракском Курдистане могут создаться условия для силовой ликвидации режима. В свою очередь, в случае серьезной дестабилизации ситуации в Пакистане и НАТО, и Соединенным Штатам придется эвакуировать свой контингент из Афганистана в максимально сжатые сроки.

Определенные изменения могут произойти и на других менее заметных и более отдаленных от эпицентра возможного конфликта участках - например, в Азербайджане. Если в текущий период Азербайджан развивается по западной модели, приемлемой как для режима, так и для «оранжевой оппозиции», то существует ряд факторов, способных в будущем взорвать ситуацию. Во-первых, более или менее равномерного распределения доходов от нефти не происходит. И это на фоне постоянно ухудшающейся социальной ситуации в стране. Во-вторых, практически отсутствуют возможности для внекланового продвижения как на поприще госслужбы, так и в бизнесе. В-третьих, начинает складываться новая антисистемная суннитская оппозиция: религиозная практика в условиях сегодняшнего Азербайджана — это одновременно и политический акт. Потенциальные изменения могут способствовать качественно новому уровню сближения между Тегераном и Баку. В этой связи необходимо учитывать, что как это демонстрирует пример Палестины и Египта, для Ирана в данном случае конфессиональный фактор не имеет принципиального значения.

Наконец, ключевая борьба вокруг будущего конфликта развивается в Тегеране и Вашингтоне. В случае Соединенных Штатов это связано еще и с тем, что администрации Буша необходимо прикрыть свои неудачи в Ираке. Неоконсерваторы активно проталкивают идею необходимости нанесения удара по Ирану. Логика здесь следующая: идея демократизации Ближнего Востока не является ошибкой, однако была выбрана ошибочная цель. В конгрессе США демократы, напротив, все жестче критикуют республиканцев: вывод войск из Ирака, скорее всего, станет основным лозунгом демократической партии на предстоящих президентских выборах.

В свою очередь в Иране внутриэлитный конфликт во многом развивается на фоне внешней политики. Попытки внутриэлитных чисток, инициированные Ахмадинежадом с подачи высшего религиозного руководства, наталкиваются на противодействие аятолл — миллиардеров, сделавших состояния за счет своего положения. Конфликт между Ахмадинежадом и Рафсанджани, имеющий прежде всего экономический подтекст, одновременно проявляется и в декларациях по ядерной программе и внешней политике.

Традиции и перспективы отношений Турции со странами Южного Кавказа (Азербайджан, Грузия, Армения)

Юлия Кудряшова

Турция, благодаря таким факторам, как военная мощь, географическая близость, экономическое влияние, исторические и культурные связи, этническое единство остается влиятельной силой на Южном Кавказе. Немаловажным фактором также является то, что на территории Турецкой Республики проживает сегодня около 7 млн выходцев из этого региона¹. Анкара активизировала свою деятельность на кавказском направлении сразу после распада Советского Союза. Турция признала независимость трех государств Закавказья в конце 1991 года, объявив этот регион зоной стратегических интересов.

Согласно официальной позиции МИДа Турции, демократизация и обеспечение безопасности и стабильности на Южном Кавказе является приоритетным направлением ее внешней политики. Для Турции, как декларируется ее руководством, важно наличие в регионе независимых, мирно сосуществующих и сотрудничающих между собой государств, а также оказание им в данном направлении экономической и политической поддержки².

Вместе с тем, Турция является на Южном Кавказе авангардом атлантического присутствия. Анкара стремится к тому, чтобы выполнять функции главного проводника интересов НАТО на всем Южном Кавказе. Однако Турция выстраивает в отношении региона собственную политику, не всегда исходящую из интересов альянса. Турция предполагает, что она, превратившись во влиятельную региональную державу, с помощью своих союзников по НАТО сможет стать для закавказских государств центром притяжения, используя такие факторы как этническая и культурная близость, общность истории, экономическая помощь.

Кавказ для Турции – ключевой регион, который дает ей возможность реализовать свой транзитный потенциал в экономических связях между Востоком и Западом. Анкара стремится стать в условиях глобализации основным экономическим терминалом-посредником, коридором между сырьевыми рынками Центральной Азии и развитой Европой, в составе которой Турция окажется в случае ее приема в ЕС. С точки зрения безопасности и стабильности Анкара заинтересована в социальном благополучии населения кавказского региона. В том числе с этой целью Турция стремится к развитию сотрудничества с

¹ Известия. 03.07.2006.

² *Абдулла Гюль*. Мы придаем особое значение отношениям между Турцией и Азербайджаном // http://www.pbussr.ru/index.php?razdel=1&condition=show_news&page=1&id=9983

участием всех трех государств Закавказья. Начало функционирования нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), планирование завершения газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум (Южно-Кавказский трубопровод – ЮКТ), а также продолжение инженерно-оценочных работ в рамках строительства железной дороги Карс – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку (КАТБ) являются весьма важными для Турции трансрегиональными проектами³. В частности, реализация проекта нефтепровода Баку – Джейхан превращена в символ борьбы за национальную независимость закавказских республик.

Турция готова взять на себя посреднические обязательства, связанные с процессом включения в мирохозяйственную систему закавказских республик, в первую очередь Азербайджана, и оказанием активного содействия западному бизнесу в установлении связей с этими государствами. Представители Турции, по сравнению с деловыми людьми других зарубежных стран, имеют здесь наиболее продолжительный стаж работы, лучше адаптированы к местным условиям.

Одним из перспективных форматов для налаживания диалога на Южном Кавказе, с точки зрения Анкары, мог бы стать АГАТ (Азербайджан, Грузия, Армения, Турция). Эта новая инициатива была разработана Южно-Кавказским институтом региональной безопасности. Она подразумевает содействие развитию демократических процессов и формирование благоприятной атмосферы для проведения диалога между странами региона с целью предупреждения и разрешения конфликтов. Как рассчитывают инициаторы проекта АГАТ, этот формат будет способствовать выработке единой программы интеграции «четверки» в Европейский Союз. Отличительной чертой проекта является изменение геополитических границ региона, включающее в понятие Южного Кавказа вместе с Грузией, Арменией и Азербайджаном еще и Турцию. Пока сотрудничество в этом формате развивается недостаточно эффективно из-за множества противоречий и конфликтов. Очевидно, что данный интеграционный проект Турции нацелен на вытеснение России с Южного Кавказа.

С начала 1990-х годов, несмотря на определенные политические расхождения, касающиеся абхазской проблемы и репатриации турок-месхетинцев, интенсивно развиваются грузино-турецкие отношения. Турция признала независимость Грузии сразу после распада Советского Союза в 1991 году. С этого момента Анкара оказывает Тбилиси экономическую и политическую поддержку. Согласно заявлениям президента Турции Ахмета Неджета Сезера, Тбилиси и Анкара становятся гарантами стабильности, мира и развития в Черноморском регионе.

Грузия интересуется Турцию, в первую очередь, как транзитная территория для трансрегиональных экономических проектов. Они рассматриваются Анкарой как важнейший фактор усиления влияния на международной арене, поэтому она готова взять на себя значительную долю финансирования этих проектов на территории

³ Turkish Weekly. – 22.11.2005.

Грузии. Турецкое руководство осознает, что их успешная реализация возможна только при условии политической стабильности в Грузии. В основном по этой причине Турция выступает за урегулирование грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов исключительно мирными средствами в рамках территориальной целостности страны. Кроме того, Грузия приобретает для Турции стратегическое значение, если учесть, что она является буфером между двумя потенциальными соперниками Анкары – Россией и Арменией. Одновременно Турция расширяет экономическое сотрудничество с Абхазией, а также стимулирует контакты абхазской диаспоры с населением автономии. Анкара может использовать потенциальное влияние в Абхазии для отстаивания своих интересов во взаимоотношениях с Тбилиси.

Тем не менее, руководство Турции последовательно заявляет, что конфликты в Грузии должны урегулироваться в рамках ее политического единства и суверенитета. Турецкий МИД, в частности, выразил удовлетворение тем, что конфликтная ситуация, возникшая в Аджарии в 2004 году, была преодолена мирными средствами, без кровопролития. Что касается абхазского конфликта, то, по мнению Анкары, он по-прежнему угрожает миру и стабильности всего Южного Кавказа. Турция выступает за непрерывный диалог грузинской и абхазской сторон в рамках Женевского процесса. Анкара внесла свой вклад в мирный процесс, собрав стороны на конференции в Стамбуле 7–9 июня 1999 года. Турция также уведомила стороны о готовности вновь провести подобное мероприятие. Пять турецких наблюдателей участвуют в миссии ООН в Грузии с момента ее развертывания 21 октября 1994 года. Трех своих сотрудников Анкара направила в миссию ОБСЕ в Грузии⁴.

В концепции Совета национальной безопасности Грузии от 2005 года Турция названа стратегическим партнером. Активно развиваются грузино-турецкие связи в военной сфере. Анкара участвует в профессиональном становлении и материально-техническом обеспечении грузинской армии. Еще в 1998 году был подписан Меморандум о взаимопонимании в вопросах военного сотрудничества между Министерством обороны Грузии и Генштабом Турции. Данный документ предусматривал организационно-методическую помощь Анкары в подготовке офицерских кадров для Вооруженных сил Грузии. Тбилиси также подписал с Турцией Договор о безопасности. Частью большой программы военного сотрудничества между странами являются учения вооруженных сил по обеспечению безопасности трубопроводов. При этом Турция не препятствует проведению Россией военно-морских учений вблизи своих и грузинских границ.

Турция поддерживает и содействует вступлению Грузии в НАТО. Турецкая армия, вторая по численности в этой организации, потенциально имеет варианты размещения своих подразделений на возможных будущих базах альянса на грузинской территории.

Турецкие власти поощряют взаимные контакты турецкого и грузинского населения. 10 февраля 2006 года Анкара и Тбилиси объявили об упрощении визового режима и отмене платы за визу. Растет число турецких средних и высших учебных заведений в Грузии с преподаванием на турецком и английском языках. Вполне очевидно, что рост культурной экспансии Турции в Грузии нацелен на постепенное уменьшение аналогичного присутствия России в этой стране.

С целью образования сплошной тюркской полосы на юге Грузии, соединяющей Турцию и Азербайджан, турецкие депутаты в ПАСЕ подняли вопрос о возвращении в Грузию депортированных турок-месхетинцев. Анкара добивается их расселения именно в приграничной области Самцхе-Джавахетия, что является предметом разногласий между турецкой и грузинской сторонами.

Параллельно Турция предпринимает шаги для сближения с Абхазией в обход Тбилиси. Анкара заявляет о своей готовности рассмотреть возможность открытия прямого морского сообщения с Абхазией, подчеркивает заинтересованность в более тесном сотрудничестве абхазской диаспоры в Турции с населением Абхазии и в возможности свободных инвестиций в автономную республику.

Последовательно нарастаются экономические связи Анкары и Тбилиси. Торговый оборот с Турцией в 2005 году составил 12% от совокупного торгового оборота Грузии, достигнув 405 млн. долл. (экспорт Грузии в Турцию – 122 млн долларов, импорт – 283 млн долларов). Тбилиси и Анкара сотрудничают в развитии транспортных коммуникаций. В частности, Турция намеревается профинансировать строительство проходящей по территории Грузии железной дороги Карс – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку⁵. Турецкая и грузинская стороны подписали соглашение о совместной реконструкции Тбилисского и Батумского аэропортов, что, по словам М. Саакашвили, позволит превратить их в современные международные аэропорты. В целом, строительство двух аэропортов в Грузии обойдется Турции в 200 млн долларов⁶. В качестве компенсации за ремонт Марнеульского военного аэродрома Анкара получила разрешение на бесплатные взлеты и посадки. Кроме того, турецкий капитал представлен в строительной индустрии и перерабатывающей промышленности Грузии.

О дружественном характере отношений между Анкарой и Тбилиси говорит и тот факт, что во время энергетического кризиса, случившегося зимой 2006 г., М. Саакашвили обратился за помощью к Турции, которая приняла решение увеличить поставки энергоносителей в Грузию. Грузинские власти надеются с помощью трубопроводов, проведенных из Азербайджана в Турцию через территорию Грузии, обеспечить удовлетворение значительной части своих энергетических потребностей. В то же время очевидно, что Анкара и Баку не смогут полностью компенсировать поставки энергоносителей из России в Грузию в случае повторения кризисных ситуаций в российско-грузинских отношениях.

⁵ The Armenian Daily. – 17.03.2006.

⁶ Cumhuriyet. – 26.06.2006.

Грузия, не имеющая средств для погашения внешнего долга, достигающего 1,9 млрд долларов, бесспорно, заинтересована в реализации проекта Баку – Джейхан. Успешное функционирование нефтепровода позволит развивать инфраструктуру Грузии, а транспортировка станет одним из основных источников получения финансовых средств, которые составят более 200 млн долларов в год. За время 40-летней эксплуатации трубопровода Тбилиси надеется получить за транзит нефти чистую прибыль в размере 2,5 млрд долларов⁷. Объем импорта, который требовался для строительства инфраструктуры трубопровода, уже принес Грузии значительные дополнительные доходы от эксплуатации железной дороги, автомобильного, морского и авиационного транспорта. По мнению президента Национального банка Грузии Романа Гоциридзе, с реализацией проекта БТД Тбилиси становится полноценным партнером ведущих энергосударств мира.

Помимо этого, Тбилиси рассчитывает на получение дополнительных объемов природного газа в результате начала функционирования Южно-Кавказского трубопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум (ЮКТ). Согласно договору, в счет транзита газа с азербайджанского месторождения «Шахдениз» в Турцию Грузия получит 5% от общего объема топлива, прокачиваемого по ЮКТ. Кроме того, еще столько же Тбилиси будет закупать по льготным ценам – 55 долларов за 1 тыс. кубометров. При этом ежегодный рост цен договором зафиксирован на отметке 1–5%⁸. Власти Грузии рассчитывают, что осуществление проекта ЮКТ резко уменьшит зависимость Тбилиси от поставок российского газа.

Возвращению Анкары в кавказскую геополитику способствовало создание после распада СССР независимого тюркоязычного государства – Азербайджан. Турция имеет очень близкие лингвистические, культурные и исторические связи с этой республикой. По сути дела, Баку стал главным партнером Анкары на Южном Кавказе.

Турция является первой страной, признавшей независимость Азербайджанской Республики 9 ноября 1991 года. Согласно заявлениям турецкого МИД, приоритетной задачей в развитии отношений с Баку является укрепление его независимости, сохранение территориальной целостности и реализация экономического потенциала, основанного на наличии полезных ископаемых Каспийского моря. Турецко-азербайджанские отношения основаны на взаимном признании суверенитета и развиваются не только в политической области, но и в таких сферах как торговля, транспорт, телекоммуникации, сельское хозяйство, социальное страхование, туризм, образование, здравоохранение, культура, наука, спорт.

Активное укрепление турецко-азербайджанских связей началось в 1992 – начале 1993 годов, когда президентом молодой Республики был глава пантюркистского Народного фронта Эльчибей. Следующий президент Азербайджана Гейдар Алиев одной фразой «два государс-

⁷ The Financial Times. – 12.07.2004.

⁸ Независимая газета. – 11.07.2006.

тва – один народ» predetermined на долгие годы курс на укрепление связей с Турцией⁹. 8 февраля 1994 года он совершил первый визит в Турцию, где подписал договор о дружбе. Кроме того, Г. Алиев и президент Турции Сулейман Демирель заключили принципиальный договор о стратегическом сотрудничестве, который предполагает следующее: без согласия Турции Азербайджан не может принять решение о начале военных действий; Турция гарантирует безопасность Азербайджана в случае любой агрессии против него и окажет военную и политическую помощь; в стратегическом сотрудничестве Азербайджана и Турции подразумеваются три вероятных противника – Россия, Иран, Армения¹⁰.

Для преодоления возникающих трудностей после обретения независимости Анкара предоставляет всеобъемлющую помощь Баку в военной, финансовой, технической, людской и образовательной сферах. Согласно разъяснениям МИД Турции, Анкара будет продолжать поддерживать усилия властей Азербайджана в становлении демократических институтов, а также в развитии полноценной рыночной экономики. Подчеркивается, что использование экономического потенциала, основанного на богатых природных запасах Каспийского бассейна, принесет выгоду не только Баку и Анкаре, но и региону в целом. Кроме того, Турция активно содействует сотрудничеству Азербайджана с государствами Организации Исламской конференции. Она возглавляет список государств, наиболее активно поддерживающих Баку в ОИК. Сотрудничество двух стран также распространяется на Организацию Объединенных Наций. Азербайджан поддерживает кандидатуру Турции для избрания непостоянным членом Совета Безопасности ООН на период 2009–2010 гг. (голосование должно пройти в 2008 году). Анкара, в свою очередь, выступила за участие Азербайджана в Комиссии по правам человека ООН в 2006–2008 годах. Анкара также намерена поддержать кандидатуру Баку в непостоянные члены СБ ООН на 2012–2013 годы¹¹. Делегация парламента Турции в Парламентской Ассамблее Совета Европы оказывает постоянную поддержку своим азербайджанским коллегам¹².

Турция и Азербайджан также активно сотрудничают в сфере военного строительства. Между ними подписано два соглашения и семь протоколов о военном сотрудничестве. Среди них: межправительственные соглашения о безвозмездной помощи от 14 мая 2002 года и от 7 июня 2005 года; азербайджано-турецкое соглашение о сотрудничестве в военной промышленности, совместном производстве, военно-медицинской службе, военном праве. Начиная с 1996 года, в Азербайджане постоянно работают турецкие военные

⁹ Международный научно-практический симпозиум «Азербайджан, Турция и тюркский мир: перспективы новых тенденций мирового развития» // <http://www.waytoquran.net/cgi-bin/e-cms/vis/vis.pl?s=001&p=0001&n=000013&g=>

¹⁰ Мурадян И. Проблемы безопасности Южного Кавказа и роль Армении // <http://ija.hetq.am/ru/r-muradian.html>

¹¹ Абдулла Гюль. Мы придаем особое значение отношениям между Турцией и Азербайджаном // http://www.pbussr.ru/index.php?razdel=1&condition=show_news&page=1&id=9983

¹² United Press International. – 22.08.2006.

советники, в военных училищах преподают специалисты НАТО, а в Турции проходят подготовку и обучение азербайджанские военные. При этом турецкое правительство выделяет студентам и кадетам из Азербайджана стипендии для обучения в средних и высших военных учебных заведениях страны. Азербайджано-турецкое военное сотрудничество также обеспечивает безопасность добычи и транспортировки энергоносителей. В целом, правительство Турции оказало Азербайджану помощь в военном строительстве на сумму свыше 170 млн долларов¹³.

Анкара, по существу, играет роль «доверенного лица» Баку в НАТО, курируя его участие в программе «Партнерство ради мира»¹⁴. Турция также содействует приведению азербайджанских вооруженных сил в соответствие со стандартами НАТО в кадровой и образовательной сферах. При этом Анкара признает, что неурегулированность территориальных конфликтов не позволяет Азербайджану в полной мере соответствовать критериям для вступления в НАТО¹⁵.

Позиция Турции по карабахскому конфликту заключается в обеспечении территориальной целостности Азербайджана и освобождении оккупированных территорий. МИД Турции считает нагорно-карабахский конфликт одним из основных препятствий для достижения политической стабилизации, экономического развития и региональной кооперации на Южном Кавказе. Однако Турция настаивает на урегулировании конфликта исключительно мирным путем.

В знак солидарности с Баку Анкара в 1993 году закрыла свою границу с Арменией. Как следствие – разорвана прямая железнодорожная связь между Азербайджаном и Турцией, что является препятствием для более тесного экономического сотрудничества. Армения исключена из всех энергетических проектов, объединяющих Азербайджан, Грузию и Турцию. Официальный Баку настаивает на продолжении блокады, т.к. возражает против сотрудничества своего «стратегического партнера» со страной, с которой Азербайджан имеет неразрешенные территориальные конфликты¹⁶. Азербайджанское население даже организовало 8 апреля 2004 года в Турции акции протеста против возможного открытия турецко-армянской границы¹⁷.

Компенсацией за поддержку со стороны Анкары позиции Баку по Нагорному Карабаху является то, что Азербайджан разделяет тезис Турции относительно «надуманного» характера геноцида армян. В Баку отдают должное заявленной Турцией готовности, в случае необходимости, направить в Нагорный Карабах своих миротворцев¹⁸.

Одновременно МИД Турции подчеркивает, что Анкара содействует двусторонним переговорам между Азербайджаном и Арменией

¹³ Русская газета. – 23.06.2005.

¹⁴ Зеркало. – 30.03.2006.

¹⁵ Там же.

¹⁶ 525-я газета. – 02.03.2006.

¹⁷ Зеркало. – 09.04.2004.

¹⁸ 525-я газета. – 18.01.2006.

и готова поддержать любое решение нагорно-карабахской проблемы, приемлемое для обеих сторон. Играя роль «медиатора» в этом конфликте, Анкара инициировала форум для диалога и обмена мнениями по региональным проблемам между министрами иностранных дел Турции, Азербайджана и Армении. Первая встреча состоялась 15 мая 2002 года в Рейкьявике, вторая прошла в рамках Стамбульского саммита НАТО 28 июня 2004 года¹⁹.

Что касается экономического аспекта взаимодействия Турции и Азербайджана, то еще в ходе первого визита Демиреля в Баку, состоявшегося 2–3 мая 1992 года, между двумя странами были подписаны соглашения о сотрудничестве в области экономики и транспорта. 8 февраля 1994 года состоялось подписание соглашений о взаимной защите и поощрении инвестиций, избежании двойного налогообложения, сотрудничестве в области сельского хозяйства²⁰. В настоящее время Анкара занимает первое место среди внешнеторговых партнеров Баку. Объем торгового оборота между ними, составлявший в 2004 году 550 млн долларов, в 2005 году достиг 795 млн долларов. Сохраняется большой интерес деловых кругов Турции к Азербайджану, что подтверждается инвестициями в размере 2,2 млрд долларов²¹. Турецкий капитал представлен практически во всех областях экономики Азербайджана, начиная от нефтяной сферы и заканчивая сферой услуг, при этом его основная часть приходится именно на энергетику. Например, азербайджанская электроэнергия находится в руках турецкой фирмы. Успешно функционирует Объединение азербайджано-турецких предпринимателей.

Кроме того, активно развивается трансграничное сотрудничество Турции и Азербайджана. Экономическая стратегия Баку подчинена цели создания возможностей для обеспечения условий транспортировки добываемой нефти на европейский рынок. Реализация этой задачи обеспечит получение Азербайджаном дополнительных финансовых ресурсов и, соответственно, будет способствовать укреплению его позиций в диалоге с Россией. Эти факторы продиктовали необходимость осуществления проекта Баку – Джейхан. Функционирование БТД, как рассчитывают в Баку и Анкаре, не только приведет к подъему национальной экономики Азербайджана, но и к значительному усилению его политического влияния в регионе. БТД, переданный в эксплуатацию в 2005 году, уже приносит Азербайджану значительные прибыли. При этом не может не вызывать озабоченности тот факт, что их основную часть Баку использует для наращивания военных ассигнований, которые составляют 600 млн долларов, или 60% всего бюджета Армении.

Самое нелегкое положение в регионе, пожалуй, у Армении, которая не имеет богатых природных ресурсов, выхода к морю, крупного промышленного производства, дипломатических отношений с

¹⁹ МИД Турции // http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/Caucasus/Azerbaijan/Azerbaijan_Political.htm

²⁰ Эхо. – 20.07.2006.

²¹ Эхо. – 07.06.2006.

Турцией и общей границы с Россией – единственным историческим и стратегическим союзником.

Анкара признала независимость Армении 16 декабря 1991 года и сразу предоставила ей гуманитарную помощь, необходимость которой была вызвана тяжелым экономическим положением, последовавшим за провозглашением независимости. Анкара не препятствовала транзиту иностранной гуманитарной помощи Еревану через свою территорию. Кроме того, Турция на правах государства-основателя пригласила Армению в Организацию черноморского экономического сотрудничества. Однако турецкие власти отмечают невозможность установления дипломатических отношений с Арменией из-за проводимой ею политики, противоречащей духу добрососедских отношений. Турция выдвигает перед официальным Ереваном ряд предварительных условий. Это – обязательный отказ Армении от деятельности, направленной на международное признание геноцида армян в Османской империи, возвращение Азербайджану оккупированных территорий, а также ратификация Карского договора 1921 года, определяющего армяно-турецкую границу. Более того, Анкара обвиняет Ереван в поддержке курдских террористических организаций.

Граница между двумя государствами была в одностороннем порядке закрыта Турцией в 1993 году во время нагорно-карабахского конфликта в знак солидарности с Баку. Тем не менее, проживающая в Турции армянская община не уменьшается. В настоящий момент на турецкой территории, по некоторым подсчетам, находятся более 50 тыс. граждан Армении, большая часть которых – нелегальные мигранты.

Определенные усилия, направленные на преодоление двустороннего антагонизма, в свое время предпринял первый армянский президент Левон Тер-Петросян, чья политика вскоре была расценена как пораженческая, и он был вынужден покинуть политическую арену. Следующий президент Роберт Кочарян выдвинул прагматичную формулу – «Армения готова наладить отношения с Турцией без предварительных условий». Армянский лидер подчеркивает целесообразность установления полноценных межгосударственных контактов и отмены эмбарго, что позволит с большей эффективностью изучить все проблемы двусторонней повестки²². Министр иностранных дел Армении Вардан Осканян отметил, что его страна не представляет угрозы для безопасности Турции²³.

При этом необходимо подчеркнуть, что в Конституции Армении не признается граница с Турцией, установленная Карским и Гюмринским договорами 1921 года. В статье 11 Армянской декларации независимости регион Восточной Анатолии, являющийся частью Турции, назван «Западной Арменией». Согласно статье 13 Конституции Армении на гербе государства изображена находящаяся в Турции гора Арарат, что вызывает у турецкого руководства раздражение.

Для лучшего уяснения данной проблемы необходим краткий экскурс в историю. По взаимной договоренности большевистской

²² Zaman. – 31.05.2005.

²³ Hürriyet. – 24.03.2006.

России и кемалистской Турции первая Армянская Республика (1918–1920 годы) прекратила свое существование, а значительная часть ее территории была аннексирована в пользу Турции (Карская область и Сурмалинский уезд) и Азербайджана (Нахичевань стал подмандатной Азербайджанской ССР территорией без права передачи иному государству). Карабах же, более чем на 95% населенный армянами и имевший на тот момент международно-признанный статус спорной территории, зафиксированный в международных документах, целиком был передан Азербайджану с условием создания там армянской автономии, которая, вопреки первоначальному решению, впоследствии была создана лишь в нагорной его части. Договоренности по этим вопросам были оформлены окончательно в Московском договоре 16 марта 1921 года и в многостороннем Карском договоре 13 октября 1921 года²⁴. Данные соглашения между Советской Россией и Турцией были подписаны в отсутствие Армении, что, по оценке ее историков и юристов, незаконно с точки зрения норм международного права. На данном этапе проблема состоит в том, что, кроме Турции, ни одной из сторон, заключивших вышеуказанные договоры, не существует. Фактически денонсировать их некому. Однако территориальных претензий Турции Ереван на официальном уровне не выдвигал.

Еще более острые исторические разногласия между Ереваном и Анкарой касаются событий начала XX века, когда в период Первой мировой войны в Османской империи произошли массовые убийства и погромы армянского населения. Данные события квалифицированы международным сообществом как геноцид, что зафиксировано в Армянской декларации независимости. Согласно утверждениям армянской стороны, в течение 1915–1916 годов из трехмиллионного армянского населения Османской империи погибло около 1,5 млн человек, более 600 тыс. армян стали беженцами.

По официальной версии турецкой стороны, в дни Первой мировой войны армяне с помощью России готовили восстание против законных властей, которое было подавлено. В результате межэтнического конфликта погибло 300 тыс. армян и 500 тыс. турок. Современная турецкая историография оправдывает депортацию армянского населения, во-первых, условиями военного времени, а во-вторых, жестокостью армян по отношению к туркам и их нелояльностью властям Османской империи.

Признание Турцией геноцида армян могло бы обернуться для нее тяжелыми материальными и моральными последствиями. Армяне могли бы в этом случае поднять вопрос о репарациях/компенсациях, которые не выдержит турецкая экономика. Кроме того, в такой ситуации может стать актуальной и проблема территориальных споров с Арменией. Юридически нынешнее турецкое государство не ответственно за деяния, совершенные прежним режимом. Глава турецкого Генерального штаба генерал Хилми Озкок утверждал, что

²⁴ Арман Меликян. Карабахский конфликт: применение силы как первопричина коренных изменений в идеологии поиска решений // www.regnum.ru/news/612380.html

Лозаннское соглашение 1923 года, в результате которого образовалась современная Турция, положило конец беспочвенным обвинениям в геноциде с политической и юридической точек зрения²⁵. По словам ректора Стамбульского университета Месута Парлака, международные документы, касающиеся геноцида, были приняты в 1948 году и не имеют отношения к прошлому. В свою очередь, Абдулла Гюль, будучи министром иностранных дел Турции, отказывался говорить об армянской проблеме, заявляя, что геноцид был «выдуман от начала до конца»²⁶. При этом любое упоминание о геноциде в Турции наказуемо на основании статьи 301 Уголовного кодекса за «оскорбление турецкой нации»²⁷.

В 1995 году Л. Тер-Петросян возложил ответственность за геноцид на режим младотурок, а не на турецкий народ. От Анкары требуется лишь извиниться перед потомками убитых в ходе погромов и умерших в результате депортации. Министр иностранных дел Армении Осканян требует, чтобы убитых зарегистрировали и назвали имена преступников. При этом он подчеркивает, что признание геноцида не является обязательным условием для возобновления дипломатических отношений с Анкарой, отмечая, однако, что и Турция, в свою очередь, не должна ставить Еревану никаких условий. Между тем, усилия армянской диаспоры привели к признанию геноцида десятками стран мира, данный фактор стал мощным рычагом воздействия на официальную Анкару по целому спектру вопросов. Турция называет позицию стран, официально признавших убийство армян геноцидом, безответственной. Таким образом, Ереван показывает всем странам региона возможность международного лоббирования своих интересов в мировой политике, что заставляет Турцию балансировать между Западом, Арменией и Азербайджаном.

Тем не менее, Анкара и Ереван предпринимают шаги с целью разрешения проблемы. В конце 2001 года группа видных ученых и бывших политиков из Турции и Армении договорилась о создании специальной комиссии примирения с целью улучшения отношений между двумя странами. Основной задачей, поставленной перед комиссией, было разрешение исторических проблем. Однако комиссия просуществовала лишь до 2003 года²⁸.

Затем через своего посла в Тбилиси Анкара предложила Еревану принять участие в работе смешанной комиссии, которая имела бы свободный доступ к архивам для расследования обстоятельств массовых убийств. В апреле 2005 года премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган предложил президенту Армении Р.Кочаряну создать комиссию в составе турецких и армянских историков, которая вынесла бы решение по проблеме: имел ли место геноцид? Однако Кочарян полностью отверг предложение Эрдогана, заявив, что факт геноцида армян уже установлен и не требует подтверждения историками.

²⁵ The Times. — 22.04.2005.

²⁶ Le Figaro. — 25.04.2005.

²⁷ Milliyet. — 24.04.2006.

²⁸ Le Figaro. — 26.04.2005.

Посол Армении в Италии Рубен Шугарян отметил по этому поводу, что свидетельством геноцида армян является шестимиллионная армянская диаспора. В то же время Кочарян призвал к созданию армяно-турецкой межправительственной комиссии для изучения путей нормализации отношений и обсуждения всех интересующих обе стороны вопросов, в том числе касающихся разногласий по проблеме геноцида. В ответ генеральный секретарь Совета национальной безопасности Турции Мехмет Йигит Алпдоган сообщил, что в связи с тем, что Армения не дала положительного ответа на предложение Анкары о создании комиссии по расследованию геноцида, рассмотрение какого-либо предложения этой страны неприемлемо²⁹.

Вместе с тем, представители Армении высказываются за вхождение Турции в Евросоюз, полагая, что приверженность европейским ценностям демократизирует страну и вынудит ее власти признать массовые убийства армян в Османской империи геноцидом, тем более что этот вопрос был отражен в резолюции Европарламента в качестве предварительного условия вступления Анкары в ЕС. Процесс вхождения Турции в Европейский Союз может также способствовать открытию армяно-турецкой границы. Между тем, спикер турецкого парламента Бюлент Арынч, отвечая на вопрос европарламентариев, когда Анкара намерена официально признать геноцид армян, заявил, что она никогда его не признает, поскольку не верит, что в истории было такое событие. По словам Арынча, Турция, в отличие от Армении, давно открыла свои архивы, и там нет никаких документов, подтверждающих факт геноцида³⁰.

Следует также упомянуть факт политического сближения Турции с Арменией. Советник министра обороны РА генерал-майор Гайк Котанджян принимал участие в состоявшемся в Анкаре весной 2006 г. симпозиуме по проблемам борьбы с терроризмом, на открытии которого присутствовали президент и премьер-министр Турции. До этого случая представители вооруженных сил обеих стран имели возможность совместного участия лишь в мероприятиях под эгидой программы НАТО «Партнерство ради мира». На данный же международный симпозиум представитель Армении впервые был приглашен начальником Генштаба Турции³¹.

Кроме того, Анкара в последние годы увеличивает финансирование восстановления памятников армянской истории и культуры на востоке (в бывшей Западной Армении), севере и юго-востоке страны, открывает эти регионы для иностранных туристов и ученых. В декабре 2004 года премьер-министр Турции Эрдоган торжественно открыл Армянский музей в Стамбуле³².

По-прежнему труднопреодолимым препятствием для восстановления дипломатических отношений между Турцией и Арменией остается нагорно-карабахская проблема. Анкара заявляет, что условием

²⁹ The New Anatolian. — 01.06.2006.

³⁰ The New York Times. — 25.05.2006.

³¹ Новое время. — 06.04.2006.

³² Radikal. — 20.02.2006.

для начала каких-либо переговоров является вывод армянских войск с азербайджанских территорий. В настоящее время приблизительно 20% Азербайджана находится под армянской оккупацией. МИД Турции ссылается на резолюции Совета Безопасности ООН № 822, 853, 874 и 884, которые призывают Армению к прекращению оккупации и уважению территориальной целостности Азербайджана³³.

При этом Турция видит именно в Минском процессе ОБСЕ платформу, которая позволит найти решение конфликта. Минская группа по урегулированию нагорно-карабахского конфликта была сформирована в рамках СБСЕ 24 марта 1992 года в составе девяти стран (Беларуссия, Венгрия, Германия, Италия, Россия, США, Турция, Франция и Швеция). С этого момента без участия Минской группы не обходится ни одно обсуждение перспектив урегулирования армяно-азербайджанского конфликта.

В то же время, как считает премьер-министр Армении Серж Саркисян, Анкара исходит из того, что решение нагорно-карабахской проблемы в пользу Азербайджана приведет к снижению международной и региональной роли Еревана.

Следует также отметить беспокойство Армении в связи с переговорами Анкары и Тбилиси с целью возвращения в Джавахетию турок-месхетинцев, лидеры которых поддерживают тесные отношения с Турцией и Азербайджаном.

Кроме того, Ереван тревожит возможное строительство железнодорожной ветки Карс (Турция) – Ахалкалаки (Грузия) – Тбилиси (Грузия), взамен имеющейся, но не функционирующей дороги Карс (Турция) – Гюмри (Армения) – Тбилиси (Грузия). Ереван даже готов на первоначальном этапе отказаться от транзитных платежей, лишь бы дорога Карс – Гюмри заработала в интересах регионального сотрудничества.

Несмотря на имеющиеся проблемы, экономическое сотрудничество между Арменией и Турцией получило определенное развитие. Ежегодный двусторонний торговый оборот, только по официальным данным, составляет 68 млн долларов³⁴. Кроме того, карабахские «челноки» регулярно ездят за товарами в Турцию. Следует отметить также заинтересованность турецких региональных чиновников и бизнесменов в развитии экономических контактов с Арменией. Они стремятся к реализации экономического и туристического потенциала восточных регионов Турции. В частности, в случае завершения нагорно-карабахского конфликта турецкий Карс получил бы долгожданную возможность стать связующим звеном Европы с Кавказом, Средней Азией, Индией и Китаем.

В свою очередь, Армения ставит себе в заслугу то, что (несмотря на блокаду железнодорожных магистралей со стороны Азербайджана и Турции; планомерный вывод республики из наиболее перспективных коммуникационных проектов; завышенные транзитные тарифы,

³³ МИД Турции // http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/Caucasus/Armenia/Armenia_Political.htm

³⁴ Hürriyet. – 06.04.2006.

установленные Грузией) ей удалось максимально диверсифицировать каналы поступления бюджетных доходов и перепрофилировать экономику на производство малогабаритной продукции с низким коэффициентом транспортных затрат. К позитивным последствиям блокады в Ереване также относят стабильное развитие местного бизнеса и последовательный поиск наиболее приемлемой модели национальной экономики. По словам президента Армении, блокада позволила в более сжатые сроки добиться замещения импорта. Более того, националистические силы Армении, возглавляемые партией Дашнакцутюн, заявляют, что в случае открытия границы низкокачественные турецкие товары хлынут на небольшой армянский рынок и задушат ее экономику. Сторонники такой точки зрения (в духе сюжетов голливудских триллеров) предупреждают о том, что турки, дескать, могут начинить поступающий в Армению товар ядовитыми веществами³⁵, что, конечно, выглядит забавно.

В заключение необходимо отметить следующее.

После распада СССР и провозглашения тремя бывшими закавказскими союзными республиками независимости Турция обрела новый перспективный регион для военно-политической и экономической экспансии. Воспользовавшись слабостью России, Анкаре удалось в 1990-е годы существенно потеснить Москву в Закавказье, заложить основы своего влияния в этом регионе на длительную перспективу. Азербайджан стал в этот период одним из ближайших стратегических партнеров Турции. Значительно укрепила свои позиции Анкара и в Грузии, используя, в частности, в своих интересах обострение российско-грузинских отношений во второй половине 2006 года. Только Армения, в силу указанных выше причин, остается для Турции «проблемным» звеном, существование которого Анкара, однако, также весьма успешно использует в своих стратегических интересах: и как фактор укрепления отношений с Баку, и как обстоятельство, позволяющее побуждать Вашингтон и НАТО увеличивать помощь Турции на цели поддержания безопасности (разыгрывание «карты» российско-армянского сотрудничества в военной сфере).

России, выстраивая свои отношения с закавказскими государствами, необходимо учитывать присутствие и интересы там Турции, которые могут вступать в противоречие с нашими интересами в этом стратегически важном для российской безопасности регионе.

³⁵ Zaman. — 16.03.2006.

Некоторые особенности испанского языка в США

Елена Заемская

В последнее время в США уделяется большое внимание такому явлению в области языкознания как *спэнглиш* (*Spanglish*) – наиболее употребимому термину из целого ряда используемых в данной связи понятий: *ingacol*, *espanglish*, *espaninglish*, *espangles*, *espanglis*.

Когда говорят о *спэнглиш*, фактически речь идет о некоем конгломерате слов и выражений, как правило, заимствованных из английского языка и используемых в речи испаноговорящих. Считается, что главным стимулом к пополнению этого словарного запаса служат существенные трудности, с которыми сталкиваются в США выходцы из Латинской Америки, в массе своей не имеющие возможности развиваться интеллектуально и повышать свой образовательный уровень. В результате *спэнглиш* стал достаточно часто используемой нормой языка среди 35 миллионов жителей США – выходцев или потомков испаноговорящих, переселившихся в эту страну. По словам одного из исследователей, с одной стороны, эти люди уже не слишком свободно владеют языком Сервантеса, а с другой – еще не выучили язык Шекспира.

Еще одной формой *спэнглиш* является заимствование целых выражений из английского языка и их использование в одной фразе вперемешку с испанскими.

Надо признать, что понятие *спэнглиш* не отличается лингвистической точностью, поскольку объединяет некоторое число языковых форм, не отвечающих единому критерию и не опирающихся на научную основу. Порой они сильно отличаются друг от друга. Например, речь двуязычного, англо- и испаноговорящего, жителя в США, который переходит в своей речи с английского на испанский и обратно, существенно отличается от речи коренных жителей Пуэрто-Рико, в словарный запас которых многие слова и выражения перекочевали из английского языка.

Однажды у лауреата Нобелевской премии в области литературы Октавио Паса спросили, что он думает по поводу *спэнглиш*, на что он отреагировал следующим образом: «Это ни хорошо, ни плохо, это – отвратительно!». Данная формула, несмотря на свою категоричность, достаточно точно отражает мнения литераторов и специалистов, работающих в области испанского языкознания.

В то же время, поскольку *спэнглиш* – это реальность, то имеет смысл рассмотреть его основные особенности.

История вопроса

Полагают, что первый толчок к смешению английского и испанского языков датируется серединой XIX века, когда в результате

подписания в 1848 году Мирного договора Гваделупе Идальго одна треть территории Мексики отошла к США. И хотя в соответствии с этим документом большое число мексиканцев в одночасье превратились в американских граждан, в вышеупомянутом документе ничего не говорилось об использовании родного языка новыми жителями Соединенных Штатов. Английский язык быстро занял доминирующие позиции в политике и бизнесе, а применение испанского языка было ограничено домом и школой.

Последовавшая затем испано-американская война и рост влияния США в бывших испанских колониях в Западном полушарии привели к расширению сферы применения английского языка.

Одной из констант XX века стала легальная и нелегальная эмиграция из стран Латинской Америки в США. Поскольку в массе своей она носила экономический характер и характеризовалась низким образовательным цензом иммигрантов, этот фактор стал своего рода двигателем развития *спэнглиш*.

Косвенным свидетельством данного явления стала, начиная с 1901 года, публикация словарей англицизмов в испанском языке.

Первые ссылки на *спэнглиш* появились в 1972 году в словаре Dictionary of American Regional English, в то время как авторство самого по себе термина *спэнглиш* принадлежит пуэрториканскому юмористу Сальвадору Тио, опубликовавшему 28 октября 1948 года в газете Diario de Puerto Rico фельетон под названием «Теория *спэнглиш*» (таким образом, слово *спэнглиш* увидело свет на несколько лет раньше, чем название сходного языкового явления *франгле*). Ему же принадлежит авторство термина *ingañol*, который менее употребим по сравнению со *спэнглиш*.

География и социальный охват

Сфера распространения *спэнглиш*, с одной стороны, достаточно широка, поскольку выходит за рамки одного государства, но с другой — ограничена определенными рамками. Главными очагами применения *спэнглиш* остаются испаноговорящие сообщества в США, в частности в штатах Флорида, Джорджия, Техас, Калифорния, Нью-Мехико и в Нью-Йорке. *Спэнглиш* частично прижился и там, где испанский язык является родным, — в северных районах Мексики, в Пуэрто-Рико и Панаме (как следствие почти векового — с 1903 по 1999 годы — американского присутствия в зоне Панамского канала).

Географическое разнообразие *спэнглиш* в США, как правило, напрямую связано с тем, выходцы из какой латиноамериканской страны преобладают в данном районе. Они насыщают местный вариант *спэнглиш* своими особенностями, в результате чего фактически можно вести речь о разных версиях *спэнглиш*. Его вариации, которыми пользуются американцы кубинского происхождения во Флориде, отличаются от так называемого *доминиканиш* (Нью-Йорк) и т.п.

В то же время очевидно, что, пожалуй, основное социальное назначение *спэнглиш* состоит в том, чтобы подчеркнуть принадлежность

к одной этнической группе. Феномен *спэнглиш* заключается и в том, что человек, использующий этот лексикон, думает на одном языке, а формулирует свои мысли на другом, смешивая языковые формы, и в определенных кругах это считается очень модной манерой самовыражения *латино*.

Как уже указывалось ранее, *спэнглиш* зародился благодаря стремлению использовать в разговорной речи английские слова, поскольку говорившие не знали их испанского эквивалента. Вследствие этого начальный круг применения *спэнглиш* ограничивался, в основном, обиходом. В дальнейшем его термины стали использовать в спорте, музыке (прежде всего, в стиле *рэп*) и литературе.

Новая отдельная глава в развитии *спэнглиш* открылась вместе с распространением новых технологий и, особенно, Интернета, в результате чего *кибер-спэнглиш* обогатился многими терминами. Благодаря этому он стал активнее проникать в культурные слои испаноговорящего общества.

В 1996 году в США стал издаваться журнал *Latina*, ориентированный на женщин латиноамериканского происхождения, в котором впервые появились материалы на *спэнглиш*; эта его особенность сохраняется по сей день.

Еще одним примером может служить то, что ведущая «испаноговорящая» газета в штате Флорида — *El Nuevo Herald* — вот уже несколько лет издает пятничное приложение с информацией на *спэнглиш*.

И, наконец, самой высокоинтеллектуальной попыткой отстоять свое место под солнцем является перевод на *спэнглиш* первой главы бессмертного *Дон Кихота* Сервантеса.

Формы

Считается, что одна из косвенных причин появления *спэнглиш* заключается в том, что фонематичность современного английского языка составляет лишь 40%, то есть произношение только такого количества слов в процентном отношении соответствует их правописанию. Исходя из этого, полагают, что *спэнглиш* можно рассматривать как вынужденную попытку оказавшихся в США испаноговорящих преодолеть эту во многом «техническую» и отчасти искусственную сложность неродного языка (искусственную потому, что в соответствии с исследованиями в области языкознания в старом англосаксонском языке около 90% слов произносилось так, как писалось ...). В большинстве случаев *спэнглиш* фактически транскрибирует английские слова так, как это делалось в саксонской речи в древности.

Исходя из этого, нет оснований видеть в *спэнглиш* какую-либо угрозу испанскому языку; скорее, к нему надо относиться, как к неорганизованному стремлению рационализировать английский язык.

Многие из разновидностей *спэнглиш* развивались независимо друг от друга. В отличие от эволюции таких языков как английский

или испанский, каждый из которых зародился в одном месте, а потом распространялся на другие территории и регионы (модифицируясь при этом), *спэнглиш* не имеет «оригинальной версии». Поэтому каждая разновидность *спэнглиш* представляет собой отражение конкретного воздействия английского языка на речь испаноговорящих.

Можно сказать, что *спэнглиш* представляет собой конгломерат, в котором соединились заимствованные и навеянные английским языком слова и выражения. Есть и такая форма, когда берется английский глагол, который спрягают по правилам испанского языка.

Специальной статистики не существует, но исследователи считают, что сегодня *спэнглиш* насчитывает немногим больше пяти тысяч терминов.

Некоторые примеры

Пожалуй, наиболее выразительным примером *спэнглиш* может служить фраза «Tiempo is money», а самым курьёзным — «vacunar la carpeta» с английского «vacuum the carpet» вместо «pasar la aspiradora por la alfombra».

Довольно показательной выглядит и следующая фраза: «I'm sorry I cannot attend next week's meeting *porque tengo una obligación de negocios en Boston, pero espero que I'll be back for the meeting the week after.*»

Зачастую фразы на *спэнглиш* состоят из коротких выражений на обоих языках, например, «yo me voy a get up» (вместо «yo me voy a levantar» или «I'm just about to get up»). В пуэрториканском *спэнглиш* довольно часто используется английское слово «so» (por eso) — «*Tengo clase, so me voy.*».

СПЭНГЛИШ / АНГИЙСКИЙ / ИСПАНСКИЙ

Aseguranza / insurance / seguro

Miguel tiene que obtener una aseguranza para su automóvil.

Atras / back / regresar

По аналогии с английским *I need to give back the book to the library.* говорят *tengo que dar para atrás el libro a la biblioteca.*

Clickear / to click / oprimir

Hay que clickear aquí para visitar mi website.

Cuquear / to cook / cocinar

Honey, apúrate a cuquear la comida que ya tengo hambre.

Culear / to cool / enfriar

Pedro, hazme el favor de culear una cerveza.

Chompa / jumper / saltarín

José es un excelente chompa.

Chopin / shopping / ir de compras

A Maria le encanta el chopin.

Deiof / day off / dia libre

Me tome un deiof para descansar un poco.

Eskipear / to skip / ausentarse o faltar a clase

Maria se eskipea de la High School cada semana para irse con su novio.

Ganga / gang / pandilla

Maria pertenece a la ganga del sur de Los Angeles.

Glasso / glass / vaso

Todas las noches, mi baby toma un glasso de leche.

Likear / to leak / gotear

La llave del agua estaba likeando toda la noche!

Lonche / lunch / almuerzo

Voy a comprar una cheeseburger para mi lonche.

Mailear / to mail / enviar correo

Tengo que mailear una carta a mi novia por e-mail.

Mopear / to mop / trapear

Mi vieja tiene que mopear toda la casa para que pueda watchar las novelas.

Marketa / mercado / market

Mi mama fué a la marketa para comprar el lonche de la semana.

Mitin / meeting / reunión

Tengo que ir a la escuela a atender una mitin.

Ponchar / to punch / perforar

Necesito ponchar la tarjeta de horario del trabajo todos los dias.

Puchar / to push / empujar

José, ayúdame a puchar el carro pa'delante!

Pompear / to pump / bombear

Tengo que pompear la llanta del carro, pues se poncho.

Quitear / to quit / renunciar o dejar

Ya me cansé de mi trabajo!, voy a quitear mañana mismo!

Ruffo / roof / techo

Oh! mira, el gato está en el ruffo!

Spelear / to spell / deletrear

Es que no sé como espelearle mi nombre.

Startear / to start / prender

Honey, podrías startear el carro, please?

Signear / to sign / firmar

Boss, si puede signear mi check.

Sortear / to sort / clasificar o escoger

Cada verano trabajo sorteando cherries en una empacadora.

Socketines / socks / calcetines

Tuve que lavar mis socketines por que no tenía ni uno limpio.

Taipear / to type / escribir a máquina

Maria sabe taipear más de 60 palabras por minuto!

Te veo / See you / Hasta luego

Gusto en hablarte. Te veo.

Tofe / tough / duro

Estamos en una situación tofe.

Troca / truck / camión

Para llevar este arbol tenemos que buscar una troca.

Washateria / от глагола to wash / lavandería

Voy a la washateria a lavar la ropa.

Watchar / to watch / observar

Hey, José, watcha por dónde caminas, ya mero te caes!

Yarda / yard / patio o solar

Vieja! manda a los niños a jugar a la yarda!

Настоящий обзор позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, в условиях стабильно увеличивающегося числа испаноговорящих в США тенденция к распространению *спэнглиш*, по всей вероятности, будет сохраняться.

Во-вторых, по объективным причинам у *спэнглиш* есть будущее, но оно, как представляется, в основном ограничено местами проживания испаноговорящего населения в США. *Спэнглиш*, как всякое необычное явление, будет и в дальнейшем привлекать к себе спорадическое внимание средств массовой информации, а также специалистов-лингвистов.

В-третьих, *спэнглиш* не представляет собой какой-либо угрозы ни для испанского, ни для английского языков. Число испаноговорящих в мире стабильно растет, благодаря высоким темпам рождаемости в Латинской Америке, где о *спэнглиш*, разумеется, знают, но по сравнению с массивом испанского языка он представляется незначительным эпизодом. По отношению же к английскому языку он тем более является побочным явлением, не оказывающим заметного влияния.

В конечном счете, *спэнглиш* — всего лишь интересный феномен, не обладающий характеристиками диалекта.

Список литературы

1. *González A.* Español para el hispanohablante en los Estados Unidos. University Press of America, 1987.
2. *González-Echeverría R.* Hablar spanglish es devaluar el español. New York Times, 1997.
3. *Medina López J.* El anglicismo en el español actual. Madrid: Arco Libros, 1996.
4. *Morales E.* Living in Spanglish, LA Weekly Books/St. Martin's Press, 2002.
5. *Obiols I.* El espanglish nace de la necesidad. El País, 15 Mayo, 2002.
6. *Ortiz J.I.* Spanglish la nueva moda que se impone en el mundo. La Tercera, 14 January, 2000.
7. *Ramírez A.* El español de los Estados Unidos. El lenguaje de los hispanos. Madrid: Mapfre, 1992.
8. *Saralegui C.* El español americano. Ediciones Universidad Navarra, 1997.
9. *Stavans I.* The Gravitas of Spanglish. The Chronicle Review, October 13, 2000.
10. *Stavans I.* Spanglish. Rayo, 2003.
11. *Stavans I.* Spanglish para millones. Madrid: Casa de América, 2000.

Научно-координационный совет по международным исследованиям (НКСМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2004 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов НКСМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

НКСМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) – *Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений* (1976–1990 гг.) и *Центра международных исследований* (1990–2004 гг.).

В настоящее время в состав НКСМИ входит девять научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр евро-атлантической безопасности,
- Центр Кавказских исследований,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр исследований проблем войны и мира.

Председатель НКСМИ – А.Ю.Мельвиль, проректор по научной работе МГИМО (У), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Директор НКСМИ – А.А.Орлов, профессор кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Сайт НКСМИ в интернете: www.mgimo.ru/ktsmi

«Свежий взгляд» является новым изданием НКСМИ. В нем предполагается публиковать работы начинающих ученых, пока не обладающих большим опытом исследовательской работы, но желающих заявить о себе, высказать свою точку зрения по злободневным проблемам современных международных отношений.

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru

Кудряшова Юлия Сергеевна — научный сотрудник Центра Кавказских исследований НКСМИ МГИМО (У) МИД России, занимается изучением политики Турции и Евросоюза на Южном Кавказе.

В 2001 г. окончила ИСАА при МГУ, в 2005 г. — очную аспирантуру МГИМО (У) по специальности «история международных отношений». Автор ряда научных статей по вопросам взаимоотношений Турции и ЕС, внешней и внутренней политики и экономики Турции.

Султанов Эрнст Шамилович — выпускник МГИМО (У) МИД России (2001 г.), в 2005 г. защитил диссертацию по теме: «Международно-правовые аспекты деятельности Организации Исламской конференции». Имеет ряд публикаций в российских и зарубежных изданиях. Привлекается к выполнению работ в рамках Центра ближневосточных исследований НКСМИ МГИМО (У).

Заемская Елена Альбертовна — старший преподаватель Кафедры испанского языка МГИМО (У) МИД России. Окончила Московский Государственный институт иностранных языков им. М.Тореза. Обучалась в Гаванском университете.

Занимается изучением проблемы взаимопроникновения испанского и английского языков. Материал для исследования собран по итогам командировок в США и ряд государств Латинской Америки.